

Аршинов Владислав Владимирович
магистрант кафедры уголовного права, криминологии и
уголовного процесса
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия
e-mail: don.vladow@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУБЪЕКТА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Аннотация. В настоящей статье анализируются проблемы регламентации субъекта террористического акта в современном законодательстве, а также обозначены ряд предложений, направленных на совершенствование действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: субъект террористического акта; террористический акт; диверсия.

Arshinov Vladislav Vladimirovich
Master`s student
The Department of criminal law,
criminology and the criminal process
Baikal State University
Irkutsk, Russia

PROBLEM ASPECTS OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE SUBJECT OF TERRORIST ACT

Abstract. This article analyzes the problems of regulation of the subject of a terrorist act in modern legislation, as well as a number of proposals aimed at improving the current criminal law.

Keywords: subject of a terrorist act; terrorist act; sabotage.

Терроризм является одним из самых общественно-опасных, глобальных явлений современности, посягающее на общественную безопасность, жизнь и здоровье людей, а также нормальное функционирование органов власти и международных организаций.

В свою очередь терроризм согласно ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ является «идеологией насилия», т.е. представляет собой определенную систему взглядов и идей. Идеологическая основа террористических групп делает их деятельность более организованной и осмысленной, что в свою очередь способствует развитию проблемы распространения разрушительных идей среди молодежи [2].

Данные вопросы находят отражение в правотворчестве, в частности в 2016 году были внесены актуальные изменения в УК РФ и УПК РФ закрепляющие пониженный возраст уголовной ответственности за преступления террористического характера. Статья 20 УК РФ была дополнена следующим перечнем преступлений: прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ); участие в деятельности террористических организаций (ч. 2 ст. 205.5 УК РФ); участие в незаконном вооруженном формировании (ч.2. ст. 208 УК РФ) и т.д. [1].

Думается очевидным, что, устанавливая пониженный возраст уголовной ответственности за преступления террористического характера мы признаем, что данные деяния несут в себе более серьезные последствия для государства, общества и личности, а лица, их совершающие, в полной мере осознают характер и степень общественной опасности, совершаемых ими деяний.

Одной из самых распространенных форм терроризма является террористический акт, где, как и во многих преступлениях террористического характера, закреплён пониженный возраст уголовной ответственности.

При этом помимо вопроса определения возраста уголовной ответственности за террористический акт, также выделяются иные, не менее актуальные вопросы законодательного регулирования субъекта террористического акта.

Рассмотрим ряд проблем, выделяемых в научной литературе по порядку.

Одной из главной проблем, выделяемых в научной литературе по поводу субъекта террористического акта является вопрос определения возраста уголовной ответственности.

С одной стороны, законодатель, устанавливая пониженный возраст уголовной ответственности за ряд преступлений террористического характера даёт понять, что террористический акт является преступлением с повышенной общественной опасностью, вследствие чего возраст уголовной ответственности более чем обоснован.

Такой позиции, в частности придерживается М.Г. Беляева, которая отмечает, что установление минимального возраста уголовной ответственности достаточно обоснованно, так как, во-первых, подростки в данном возрасте осознают общественную опасность совершенного деяния, а во-вторых, повышение возраста уголовной ответственности создаст хорошие условия для привлечения подростков в совершение террористических актов [4, с. 36].

В свою очередь стоит отметить, что по данному вопросу существует иная точка зрения. В частности, О. Аксенов и О. Качмазов отмечают, что пониженный возраст уголовной ответственности является необоснованным [3, с. 59].

В качестве примера авторы приводят состав диверсии (ст. 281 УК РФ), возраст уголовной ответственности за который является общим, т.е. с 16 лет.

О. Качмазов справедливо отмечает, что с точки зрения законодателя 14-летний подросток в силу своего возраста не может преследовать цель подрыва

экономической безопасности и обороноспособности страны. При этом тот же подросток вполне осознает и преследует цель дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решения [8, с. 30].

Авторы предлагают повысить возраст уголовной ответственности по ст. 205 УК РФ до 16 лет, а также отмечают, что повышенная общественная опасность не является основанием для понижения возраста уголовной ответственности.

Как видим, позиция законодателя в вопросе разграничения возраста между террористическим актом и диверсией вызывает вопросы. Отметим, что в данной проблеме речь нужно вести скорее о снижении уголовной ответственности за диверсию, нежели повышение возраста ответственности за террористический акт.

Во многом это связано с тем, что повышение возраста уголовной ответственности никак не вписывается в концепцию законодателя, который устанавливает за ряд преступлений террористического характера пониженный возраст уголовной ответственности, относя к ним посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля, заведомо ложное сообщение об акте терроризма и т.д.

В свою очередь, как мы отмечали выше, повышение возраста уголовной ответственности создаст хорошие условия для привлечения подростков к совершению террористического акта, т.е. фактически облегчит жизнь преступникам.

Такой же позиции придерживается А.Ю. Галкин, который отмечает, что террористический акт является тягчайшим преступлением, при этом по мнению автора 14-летний подросток способен осознавать общественную опасность своего деяния [5].

Например, в России уже были случаи кода 14-15 летних подростков привлекали к совершению террористического акта, причем они могли выполнять роль смертников, устанавливать взрывчатые средства и т.д.

Во многом именно поэтому привлечение таких лиц по ст. 205 УК РФ необходимо. Как отмечает Р. М. Калинин, иное означало бы безнаказанность лица, которое сознает общественную опасность деяния, но не в той степени, чем взрослый человек [6, с. 123].

В частности, автор также предлагает, включить в качестве признака террористического акта «использование лиц, заведомо для виновного, не достигшего 16-летнего возраста» [6, с. 122].

Еще одной проблемой, относящейся к вопросу субъекта террористического акта является вопрос о необходимости закрепления в качестве квалифицирующего признака «служебного положения». В частности, Р.С. Калинин отмечает, что законодатель не совсем обоснованно отказался от закрепления «служебного положения» в качестве квалифицирующего признака террористического акта.

Отметим, что такой признак закреплён в ч.2 ст. 205.1 УК РФ (Содействие в совершение террористической деятельности). Как видим, лицо, наделённое служебным положением может нести более строгую уголовную ответственность за содействие террористической деятельности, но при этом то же лицо никак не будет нести более строгую уголовную ответственность за террористический акт.

Подобная позиция законодателя является спорной. Очевидным является тот факт, что лицо, наделённое определёнными служебными полномочиями может оказывать серьёзную помощь террористам. В качестве примера приведём катастрофу А321 над Синайским полуостровом, где в ходе расследования выяснилось, что беспрепятственный пронос взрывчатого вещества в самолёт не может произойти без участия должностных лиц авиационной безопасности [7, с. 115].

В нынешней ситуации внесение служебного положения в качестве квалифицирующего признака террористического акта необходимо. Во многом это связано с тем, чтобы избежать противоречий ст. 205 УК РФ (Террористический акт) и ст. 205.1. (Содействие в совершение террористической деятельности).

Ещё одной проблемой, выделяемой в научной литературе, является отсутствие чёткого понимания самого понятия субъекта террористического акта. Отметим позицию А.Р. Манукяна, который отмечает о необходимости включить в понятие террористического акта такой элемент как субъект преступления.

По мнению автора, данный вопрос связан со все более интернационализацией террористической деятельности, а также с тем, что на сегодняшний день практически отсутствует террористический акт, за который не брала бы на себя ответственность определённая террористическая организация.

В качестве примера А.Р. Манукян предлагает закрепить в диспозиции статьи следующую формулировку «совершение лицом, являющимся членом террористической организации, либо лицом, содействующим террористической организации, взрыва, поджога или иных действий...» [9, с. 144].

В связи с тем, что само по себе совершение террористического акта несёт за собой серьёзную работу по подготовке, а также решения вопросов вербовки и склонения лиц к их совершению, то вполне очевидно, что сам факт совершения террористического акта — это организованный процесс по его подготовке, с вовлечением различных лиц, как физических, так и юридических, а также вопросов, связанных с финансированием данной деятельности. Представить это в не связи с какой-либо террористической организацией практически невозможно.

Как видим проблема субъекта террористического акта основывается не только в различных подходах к определению возраста уголовной

